

Геннадий Фролов

(1947–2021)

Стихотворения

Фролов Геннадий Васильевич (1947–2021) родился в Курске. Детство и юность прошли в Орле, куда в самом начале 50-х переехали его родители. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Первые стихи были опубликованы в 1965 году в газете «Орловский комсомолец». Автор поэтических книг «Сад» (1982), «Месяцеслов» (1987), «Бьющий свет» (1992), «Вавилонская башня» (1992), «Накануне парада» (1993), «Невольные мысли» (1997), «Погост» (2000), «Тревожный звон» (2002). Известен как переводчик с языков народов СССР. Лауреат премии имени А. Фета.

* * *

На тему вечную предательства
Я ничего не написал
Не оттого, что это качество
В самом себе не замечал;

Нет, с первых дней существования,
С полузабытых детских дней,
Я предавал до содрогания
Себя и близких, и друзей;

Я предавал траву с деревьями,
Ночную тьму, сиянье дня, –
Все, что однажды мне доверилось
Иль положилось на меня;

С какой-то спешкой оголтелою,
Как бы боялся не успеть! –
Вот так я делал, так я делаю,
И так я делать буду впредь,

Все нарушая обязательства,
А потому, пока дышу,
На тему вечную предательства
Я ничего не напишу.

* * *

Кому-то нравится одно,
Кому-то нравится другое.
В моё открытое окно
Струится небо голубое.

Втекают синь и бирюза,
Блеск золота и перламутра.

Но закрываю я глаза,
Чтобы не видеть это утро.

Чтоб погрузиться вновь во тьму,
В сырую чашу сна земного,
Где столько сердцу и уму
Невыразимого родного.

* * *

Много мелких сыпучих предметов
Надо в доме иметь, чтобы он
И зимой, и весной, и летом
Был хранением их поглощён.

Чтоб не ведал он времени знаясь
С пустотою бесплодных затей,
Чтобы было ему, чем заняться
Среди долгих осенних ночей.

Я в примету уверовал крепко,
Я в коробку свалил для него
Груды пуговиц, кнопок и скрепок,
И еще там не знаю чего.

И теперь, как свихнулась эпоха,
Под которую время ушло,
Он один, как бы ни было плохо,
Мне внушает, что все хорошо.

И в ответ на глухие стенанья
Моему повторяет уму,
Что ничто не грозит мирозданию,
Если есть о чём думать ему.

Что уж если чего по привычке
И бояться до смертной тоски,
Так того, что вдруг кончатся спички
А не мир разлетится в куски.

* * *

Не о вечном!.. О вечном успеется.
Я о суетном, только о нём,
Что, как дождик, струится и сеется,
Застилая собой окоём.
Я о нём, о бормочущем жалобно,
Тихо ноющем день изо дня,
Словно что-то мучительно надобно
Ему в каждый мой миг от меня,
Словно просит оно, слезно жалуясь,
Чтоб погладил, прижавши к лицу,
Я его, как ребенка, что, балуясь,
Вдруг упал, потянувшись к отцу...

* * *

Время не может, увы, ничему научить,
Если б могло, то давно бы уже научило.
Вот среди сосен закатные гаснут лучи,
Тьма подступает и стужей из тьмы засквозило.
Что ж я стою на ветру, что ж пытаюсь облечь
Мысль свою в слово, как будто бы в слове есть сила!..
Вечность родная не может души уберечь,
Если б могла, то и в мир бы ее не пустила.

* * *

И. Ф.

Я люблю тебя! – еще не веря,
Я сказал. Но разве мог я знать,
Что от этих слов замкнется время
И с натугой повернется вспять!

Разве мог я знать, что вечность мерит
Не рассудок, а слепая страсть,
Что берёмся сами мы за бремя,
Под которым гнуться нам и пасть!

Что опять из бытия двойного
Прорастет минувшее – и снова
Зашумит из корня одного
Сад земной, кренясь многоголово;

Что стократ нам возвращает слово
То, что сами вложим мы в него!

* * *

От солнечных ярких пятен
Стал сад предвесенний сыр
И беден, и необъятен,
Как весь этот Божий мир.

Как мир этот Божий, где мы,
Хотя и видны пока,

Не более, чем поэмы
Зачеркнутая строка.

Строка, вариант которой
Не плох был, а между тем
В поэме уже готовой
Иначе звучит совсем.

Вавилонская башня

Упала башня Вавилона,
И прокатился над землёй
Объединяющего стона
Уже разноязыкий вой.

И пыль всё тучею объяла,
И каждый к каждому взывал,
Но горло звуки искажало,
И слов никто не понимал.

Когда ж опять пробилось солнце,
То на все стороны земли,
Как от иссохшего колодца,
От башни люди побрели.

Они брели, таясь друг друга,
Пожитки жалкие влача;
Сходясь же вместе – от испуга
Невольно пятились, рыча.

Язык звериный стал им ближе,
Чем человеческая речь,
Которой в гордости бесстыжей
Они не думали беречь.

Но поколение сменялось
За поколеньем. Шли года.
Уже потомкам представлялась
Все поправимее беда.

И терпеливо постигали
Они чужие языки,
И снова башни воздвигали –
Бесчисленны и велики.

Но меж камней столпотворенья
Всходила прежняя трава.
И лишь иллюзию общенья
Давали мертвые слова.

И снова башни разрушались,
Народ вздымался на народ.
И снова в мире воцарялись
И страх, и гибель, и разброд.

И жив он – явно или тайно –
В нас древний Вавилон досель!
И не случайно, не случайно
Вскипает войн гражданских хмель!

И льются крови братской реки,
Пожар вздымается, багров!
И на земле уже вовеки
Не отыскать всеобщих слов.

Разрушено единство мира,
Распалась родственная связь.
Здесь каждый сам себе кумира
Творит, чужого убоясь.

К кому мы руки простираем,
Как дети малые впотьмах?
Ведь мы других не понимаем
И на родимых языках.

Да что – других! Когда мы ночью,
Край одеяла теребя,
Порою из последней мочи
Понять стараемся себя,

Мы постигаем в потрясенье,
Что нам невнятен наш язык!
И в немому, как бы в спасенье,
Бросаемся, зажавши крик.

И пьём забвенью полной чашей,
Покуда тяжкий длится сон,
Пока для строек новых башен
Нас не разбудит Вавилон.

И мы, проснувшись на рассвете,
Сумеем вновь не замечать,
Что нет в нас слов себе ответить
И нету сил, чтобы молчать!..

* * *

Черный дрозд пробегает в траве.
Дождь прошел – и опять посветлело.
И в усталой моей голове
Одинокая птица запела.

И свистит, и клекочет она,
И рассказ её нежный несвязан,
Словно, бедная, снова пьяна
Ослепительным холодом вязов.

Словно всё, научилась чему,
Позабыла – и вспомнить не хочет!
И о счастье птенцу своему
Торопливо и страстно бормочет!

* * *

Люблю ли? Не знаю, не знаю...
Кто скажет, что значит любить?
Я просто тебя вспоминаю –
И нечем, и незачем жить.

Я просто тебя вспоминаю,
Как не вспоминал никого.
И мучусь, и не понимаю,
Когда же, зачем, для чего

Все спуталось так, все смешалось –
И ревность, и зависть, и злость,

И нежность твоя, и усталость
Моя – и в дыханье слилось?

В дыханье двойном нашем – тише! –
Как в сумраке этом сейчас, –
Ты слышишь? ты слышишь?
ты слышишь?
Сгущается время для нас!

И голос с прощальною лаской
Читает, читает без сна
Нам книгу, в которой развязка
На первой странице ясна.

* * *

Миг между тьмою и светом,
Чистый предутренний час.
Тихим дыханьем согрета,
Ты не проснешься сейчас.

Что тебе снится, не знаю.
В этот предутренний час
Бережно запоминаю
Чистые тени у глаз.

Бережно запоминаю
Детский измученный лик,
Словно на память читаю
Неповторимый дневник.

Милая, где мы и что мы?
Души прозрачно, как дым
От золотистой соломы,
Ветер уносит в сады.

Прошлое непостоянно,
Мы изменяем его.
Вот и растаяла тайна,
Вот уже нет ничего.

Милые воспоминанья,
Соединявшие нас.
Наше ль, иное дыханье?
Не догадаться сейчас.

Что же осталось? Остались
Долгие ночи вдвоём,
В чувствах и мыслях усталость,
Тени на лице твоём.

И ощущение такое,
Словно бы оборвалась
С временем, жизнью, тобою
Невозвратимая связь.

Нимфа

Небо белесо – и ветер незрячий
Кровь лихорадит, листвою гремит;
Пахнет полынью, – но так ли, иначе –
Жизнь продолжается, сердце стучит!
Юркие бесы мелькают в малине,
Пчелы гудят, собирая нектар,
Грузные яблони в блеклом сатине
С плеч отряхают белеющий жар.
Там, в глубине, среди сытого сада,
Где козлоногий охотник живет,
Пухлая нимфа в лукавой досаде
К солнцу подьмлет свой чувственный рот.
Машет руками, сверкает глазами,
Сияясь проникнуть в сплетенье ветвей,
И в раздраженье топчет ногами,
Жарче пожара и снега белей!..

Осенние костры

Ты прости меня за всё,
В чем я виноват!..
В тишине листвою шумит,
Облетает сад.

Капли падают с ольхи,
Клен горит огнём.
Что придется испытать
На веку своём?

Что придется перенести
Нам еще с тобой?
Сыплет ветер листьев медь
В голубой покой.

Улетим ли мы вослед,
Поживём ещё?
Улыбнись, как в первый раз,
Прикоснись плечом.

Жгут костры в сырых садах,
В рыжих бликах день.

Под ногами у тебя
Все прозрачней тень.

Жизнь пьянит, как сладкий дым,
Тает в белый свет –
Никакой иной беды
Не было и нет!..

Ветер носит звон осин,
Шелест тополей,
Отсвет пламени дрожит
На щеке твоей.

Мы приходим из огня
И уйдем в огонь.
Пляшет в мокрой синеве
Дыма легкий конь.

И стеклянный звон подков
Над землей стоит,
Где душа моя тобой,
Как листва, горит.